

К. С. Льюис, Д. Калабрия. Соединенные духом и любовью. Латинские письма / Перевод с латыни Н. Эппле и Б. Каячева, предисл. Н. Эппле. М.: Никея, 2017. 184 с.

В наследии К. С. Льюиса (1898—1963) письма занимают особое место. Их полное собрание насчитывает 4 тысячи страниц, причем в обиход Льюис неизменно вносил личное измерение. В форме собрания писем написаны несколько его книг, и прежде всего «Письма Баламута», в которых Льюис следует традиции игровых сочинений Эразма Роттердамского («The Screwtape Letters», 1942), «Письма к Малькольму о молитве» («Letters to Malcolm: Chiefly on Prayer», 1964). Посмертно в отдельные издания сложились «Письма к американке» («Letters to an American Lady», 1967) и «Письма детям» («Letters to Children», 1996).

Данная переписка — с доном Джованни Калабрия, католическим монахом из Вероны (1873—1954), а затем — с его преемником доном Луиджи Педролло. Ее впервые опубликовал оксфордский ученик Льюиса Мартин Мойнихан. Существует несколько изданий писем, начиная с «Letters: C. S. Lewis — Don Giovanni Calabria. A Study in Friendship» (Ann Arbor, Michigan, 1988) до «The Latin Letters of C. S. Lewis» (St. Augustines Press, 2016). При составлении этого сборника Николай Эппле использовал и текст итальянского — 1995 года — наиболее полного издания со всеми сохранившимися письмами в уточненной редакции и с подробными комментариями (подробнее см. с. 17).

Переписка началась в 1947 году по инициативе донна Калабрия и продолжалась до его кончины (в 1988-м он будет причислен к лику блаженных, в 1999-м — к лику святых). Дон Калабрия был увлечен идеей объединения христиан и, прочитав итальянский перевод «Писем Баламута», 1 сентября 1947 года написал письмо англиканскому автору. Не зная английского, выбрал латынь: ощущал себя и христиан других конфессий наследниками единой традиции. К. С. Льюис итальянский знал, посланные ему книги читал, хотя и отмечал, что «язык Боярдо и Ариосто для меня проще и лучше мне знаком, чем язык современных сочинений» (с. 39), но отвечал тоже на латыни. «Мертвый язык» ожил и стал языком братского общения. Николай Эппле фиксирует: «Латынь Льюиса изящна и раскованна, она не имитирует и не копирует книжные обороты, но свободно использует, когда это уместно, распространенные конструкции, привычные для этого языка»; у донна Калабрия — «язык римского богослужения и Вульгаты, едва ли не каждая его фраза имеет параллели в Писании или богослужебных текстах» (с. 14). В письме от 20 сентября 1947 года Льюис отмечал: «Если бы эта порожденная гуманистами чума, прозванная “Возрождением”, не разрушила латынь (хоть сами они утверждали, что возрождают ее), мы и теперь могли бы переписываться со всей Европой» (с. 35).

За такого рода комментариями вскользь и вглубь неизменно интересно наблюдать. Для книги «История английской литературы XVI века» Льюис углубился в полемику Томаса Мора и Уильяма Тиндейла и в письме от 25 ноября 1947 года отмечал: «Не так давно я прочитал все сочинения и того и другого. Оба кажутся мне в высшей степени святыми людьми, всем сердцем любящими Господа: я недостойн развязать ремень обуви ни тому, ни другому. Тем не менее они противоречат друг другу, и (что мучит и изумляет меня) это противоречие, как мне кажется, проистекает не от их грехов и незнания, а от их добродетели и глубины веры. И больше всего они расходятся в том, в чем каждый из них особенно силен. Я верю, что суд Божий об этом расхождении сокрыт глубже, чем тебе кажется: ибо суды Божии — бездна» (с. 41).

При чтении полемики о переводе Библии на английский язык меня поразил сам тон нападок Мора, уничижительный выбор лексики: Тиндейл у него — «зверь, учащий пороку» (a beast who teaches vice), «предтеча антихриста» (a forewalker of antichrist), «цербер в конуре дьявола» (a hell-hound in the kennel of the devil) и проч. Очевидно, что Мору, «способному превзойти Демосфена и на родном языке, и на латыни», было поручено прочесть «еретические книги» Тиндейла и подвергнуть их основательной критике, но откровенность оскорблений и ругани Мора кажется «зашкаливающей». Льюис поднимается над ситуацией, при этом он сам оговаривает «мягкость» своих суждений: «Среди ваших Тетцель, среди наших Генрих VIII были людьми погибшими; прибавь к ним, если хочешь, папу Льва из ваших, а из наших — Лютера (хотя сам я относительно обоих держусь более мягкого мнения)» (с. 41).

«Мягкость» заканчивается, когда К. С. Льюис пишет о принципиальных вопросах современности: «Ошибаются те, кто говорит: “Мир снова обращается в язычество”. О, если бы это было так! На самом деле мы падаем на куда более низшую ступень. Человек “постхристианский” не похож на человека “дохристианского”. Они отличаются так же, как вдова и девица, между которыми нет ничего общего, кроме отсутствия мужа» (с. 121).

Билингвальное издание прекрасно оформлено: дизайн Анастасии Новик, каллиграфия Алексея Чекаля. Николай Эппле прав: «Те, кто хотя бы немного учил латынь, смогут “вложить персты” и убедиться в реальности такого воскрешения. Для тех, кто латыни не знает, эти тексты будут интересны как памятник <...> а для кого-то, быть может, станут толчком, чтобы начать учить этот замечательный язык» (с. 14).

Людмила ЕГОРОВА

Вологодский государственный университет